

гамоцкий андрей

абортарий

Андрей Васильевич Гамоцкий

Абортарий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29849080

SelfPub; 2018

Аннотация

Мир будущего. Рождение мальчика – событие уникальное и крайне редкое. Мужской плод вызывает отторжение и гибнет вместе с беременной. Но мир женщин, переживших катастрофу почти полного вымирания мужчин, процветает. Абсолютную идиллию нарушает лишь то, что мужчина, ответственный за сохранение человеческого рода, исчезает. Потомок единственного уцелевшего живет в морозильной камере, сбежав с преобразованного Киева – ставшего центром мировой цивилизации. И теперь он готов поведать о своей судьбе.

– Но большинство из того, о чем вы сейчас говорили, было прошлым и для нас, – попыталась я возразить, – мир становился все лучше.

– Вы полагаете? – усмехнулась она. – Может быть, наоборот, – мир стоял на заре нового всплеска варварства и вандализма?

– Если от зла можно избавиться, отбросив с ним все добро, то что же остается? Что осталось?

– Очень многое. Мужчина олицетворял собой начало конца. Мы нуждались в нем... да, он был нужен – лишь для того, чтобы рождались дети. Вся остальная его деятельность приносила миру лишь горе и страдание. Теперь мы научились обходиться без него, и нам стало гораздо легче жить.

Джон Уиндем, «Ступай к муравью»

Голубая тетрадь

Часть первая. Голова

Это история о том, как страшно и болезненно быть мужчиной. Какое это удручающее, выматывающее душу испытание. Врагу не пожелаешь.

Распинаюсь я так не от праздного словоблудия. Поскольку знаю о терзаниях не понаслышке, а испытал на собственной шкуре.

И не важно, насколько развесисты могут быть у оленя рога, насколько ароматно и точно бобр пускает мускусную струю, насколько мощно хохлач раздувает свой носовой мешок. Или насколько алы седалищные мозоли у гамадрила. Самка всегда найдет что-нибудь заковыристое и подспудное, где самец обязательно даст маху.

Складывается впечатление, что в каждом самце будто самой природой заложен некий шаловливый недостаток, этакий крохотный, но юркий и привередливый генетический дефектик, который норовит подпортить всю малину. И окажется, что, помимо спаривания, и то, порою, признаться, похожего на унылые тычки-мычки, самец ни на что не годен.

Этот врожденный изъян и превращает самца в глазах самки, как это ни прискорбно, в обыкновенного похотливого неудачника.

Достойного самца среди людей, так называемого «мужчину» – отыскать еще сложнее. Чего греха таить, на сегодняшний день это невозможно. Подтвердит первая встречная женщина. Самка, то есть.

И не потому, что выдающийся мужской экземпляр зарыл-

ся в недрах морозильной камеры внутри разваленного гипермаркета, а вокруг степь да комары. Хотя и это не стоит сбрасывать со счетов.

А невозможно хотя бы потому, что представитель мужского рода остался только один. На всем белом свете. И я не шучу.

Какие уж тут шутки, если этот единственный в мире человеческий самец – я.

Как я уже упомянул, моя теперешняя среда обитания – морозильная камера. Она расположена в огромном гипермаркете. В том, что от него осталось. Сейчас это полуразрушенная, заброшенная и дикая свалка.

Пропитание, лежалое и суррогатное, я бесстрашно добываю на торговых стеллажах, и странно, что до сих пор не отбросил свои разнеженные самцовые копыта. Однажды даже попробовал раздобыть пищу в лесу, но особым успехом это не увенчалось.

Видимо, и тут генетика подключилась, пробудив во мне доисторическую способность переваривать чуть ли не камни, зажевывая их черноземом. Если рядом некому угождать, разумеется.

Чипсы и мясные консервы составляют мой основной рацион. Не самое витаминизированное питание, скажу чест-

но. Учитывая, что раньше я был помешан на сбалансированной и качественной еде. Точнее, женщины заботливо пичкали меня лишь всем правильным и полезным. Мне вменялось прожить до ста лет, и не просто коптить небо и трамбовать кишечник, а наплодить самое здоровое и крепкое потомство.

Ага, да-да.

Еще одно важное замечание. Теперешняя среда обитания скудна на светские развлечения. Что не мудрено, в общем. Вокруг степь, в радиусе многих километров дачи, давно безлюдные и подгнившие. И лес, кишаший неприятзательными волками. Благодаря им я ложусь спать аккуратно после заката. Когда они хозяйничают – лучше и нос не высовывать из морозилки.

Ну и само собой нельзя не заметить, что изрядную долю гипермаркета отобрал рухнувший и сгоревший самолет.

Зато среда дает мне возможность развить навыки натуралиста. Со стопроцентной уверенностью заявляю, что причиной авиакатастрофы стала Великая Бабуинизация. Она и застала пилотов врасплох. И произошло это, по моим скромным подсчетам, пятьдесят с хвостиком лет назад.

Самолет очень удачно врезался в гипермаркет – скосив часть крыши и рухнув в отдел бытовой техники. С тех пор там все раскурочено до сплошной неузнаваемой и пригоревшей каши. Как итог, у меня нет ни плиты, ни обогревателя, ни телевизора. Но остальная часть вполне прилично сохранилась, став подобием проветриваемого склада.

Разве это не чудо?

Создать гнездовье в офисных или складских помещениях, или даже прямо среди товара никак не получилось. Большая их часть лишены потолка, а потому все климатические богатства и причуды пришлось бы испытать на себе. К тому же, чего доброго, меня заметят, а это недопустимо. Если я вдруг захочу разжечь костер, то стану виден любой проезжающей мимо женщине. А их же хлебом не корми – дай поглазеть по сторонам.

О волках я уже упоминал. Последнее время эти ребята вполне освоились – и начали воспринимать меня как низшее звено в пищевой цепочке.

В моем распоряжении осталась морозильная камера. Преимуществ которой не сосчитать. Крушение самолета и воздействие природных стихий не повлияли на нее. Она имеет стены и потолок, то есть, закрыта от любопытных и голодных глаз. И, что главное, – тут есть электричество.

Разве это не чудо?

Впрочем, наличие в морозилке электричества сыграло двойную роль в гнездовании. Ведь, помимо света, нагнетается и холод. Но, поскольку куковать в крошечной и вонючей тьме не особо хочется, то приходится терпеть холодину.

Все, что я мог сделать, так это выставить его на минимальные цифры. Натуралист во мне заключил, что генератор работает автоматически. Потому в данный момент самой теплой точкой в морозильной камере выступает, пардон, мой собственный анус. И, к чести, неожиданно достойно выступает.

Ведь все же, как оказалось, утрамбованный кишечник усиленно реагирует на вещества, которые я тут добываю и пожираю.

Иена, представитель многочисленного женского рода, принявшая непосредственное участие в смене моей среды обитания, считает мир средоточием чудес. Даме глубоко за тридцатник, а она верит в чудеса да волшебство.

Цепочки непредвиденных и случайных событий, которыми полна наша жизнь, яркие явления, что выбиваются

за рамки привычных представлений и ожиданий. Сильные, впечатляющие эмоции. Все это – непрерывная череда чудес. Мы не в состоянии ни повлиять на них, ни изменить, ни остановить. Остается лишь наслаждаться ими, ценить и запоминать.

Следуя этой логике, моя жизнь и жизнь моих предков по мужской линии – чудо на чуде и чудом погоняет.

Потому что невыносимо жить в мире, где любая женщина – или родная тетка, или родная сестра. Или, что еще курьезней, родная дочь. Голова идет кругом, как представлю, в каком тесном, инцестном и ошалелом семействе мне давали прикурить.

Нелегко начинать вести дневниковые записи, когда находишься в законопаченной морозильной камере. Когда температурный максимум вокруг – пять градусов ниже Цельсия, а в роли самой горячей точки выступает зад.

Трудно, тяжело, сложно.

Но все нытье, нытье. Я специалист в этом. Понять и пожаловаться.

По словам Иены, мужчинам всегда было свойственно жаловаться. Свойственно обвинять в неудачах и промахах кого угодно, только не себя. Потому как сам по себе мужчина безгрешен, безошибочен и обладает единственно верным

мнением.

А теперь самая злая новость.

Со всей серьезностью заявляю – виноват я сам.

Точнее, моя асоциальная наследственность и наличие мутатора.

Если вкратце описать мое генеалогическое древо, оставившись лишь на ключевых моментах из жизни предков, переживших Великую Бабуинизацию, то выглядит оно следующим образом: парализованного прадеда затрахали до смерти; деду отрезали член, а затем отстрелили башку; отца забили, как мамонта.

Я еще выкрутился сухим из воды. Сажу себе в морозильной камере, прохлаждаюсь, так сказать, на лоне природы. Потчую себя каменными сухариками.

Хитрюга еще тот.

Что касается мутатора, то очевидным является следующий факт – ни один другой орган исторически не достаи-

вался такой опеки и бережного отношения. Самцы согласны были лишиться руки, ноги, почки, согласны отупеть и превратиться в обезьяну – лишь бы мутатор оставался неприкосновенным.

Почему-то самцы упорно считали, что ими должны выторговаться только за то, что у них есть эта самая штука. Заполученная с рождения, большую часть времени она тихо и мирно болталась между ног, но стоило ей пробудиться – все, аврал. Бейте в колокола! Возликуй, мир!

В такие моменты они носились с ней, как малые дети с новой игрушкой, словно это величайшее сокровище во вселенной. Каждый раз, когда их мутатор возбуждался, они требовали бурных оваций и считали себя героями.

К тому же, в силу особенности строения организма самцы имели две головы. Вполне полноценные, по их суждениям. Но загвоздка заключалась в том, что крови для наполнения и питания сразу двух голов никак не хватало. Потому они наполнялись поочередно.

И, поверьте, туши, той голове, что сверху – перепадало не очень часто.

Часть вторая. Шея, зарез

Набрасывая в уме схему рассказа, то есть, историю моей

самцово́й судьби́нушки, я долго ломал голову над целью всей этой писанины. Какого рожна? Кому вообще это надо? Волкам, что ли?

Стоит признаться, изначально я склонялся к мысли вести дневник для моего будущего сына. Наследника. Планируемого отпрыска, такого же, наверно, отщепенца. Но на сегодняшний день ищи-свищи. Нет у меня наследника мужского пола, и вряд ли уже предвидится.

Вместо этого я коротаю время в молчаливой холостяцкой компании говяжьих отбивных и свиных окороков. В окружении замороженного полуфабриката и заледенелых потрохов. К слову, я ничуть не жалею об этом.

Я пишу в маленькой комнатухе, большую часть которой занимает разделочный стол. Прямо передо мной окно, и я вижу, что по соседству висят, как спортсмены на турниках, обезглавленные туши некогда рогатого скота.

Компания собралась крепкая, сплоченная.

Значит так. Беря во внимание, что в том мире, от которого я успешно сделал ноги, с моими предшественниками проделывали подобные штучки – разделявали, потрошили и переваривали – я решил посвятить писанину именно вам, туши.

Дожился.

На первый взгляд холодильная камера может показаться местом скучным и заурядным. Особенно для тех, кто просидел здесь меньше месяца.

Но вот я, например, считаю это необоснованным предрассудком. Надеюсь, как и вы, мои друзья и чтецы – бледно-розовые, покрытые инеем туши.

Температура держится стабильная. Как я уже писал – минус пять градусов за Цельсием. Не тропики, конечно, но сосульки с носа еще не торчат. Можно иногда даже снять подбитую на меху куртку, которую я нашел на стойке у входной двери. А становится прохладно – я занимаюсь гимнастикой, боксирую, встряхиваю телесами.

Впрочем, не зря ведь мошонки у нас вынесены наружу. Да и мудрые слоны не зря перед спариванием поднимаются высоко в горы. Вам, туши, это уже не пригодится – но сперма гораздо лучше образовывается именно при низких температурах.

К вонище я уже привык. То, что вы тут подпрели за полвека, законсервированные, чувствуется хорошо. Но холод сковал вас и привел обратно в форму. Если совсем немоготу становится, то я заблаговременно запасся батареей туалетных освежителей.

Сегодня мы благоухаем альпийскими лугами.

Я раньше и представить себе не мог, что в морозилке можно найти столько интересных вещичек. Например, прямо над моим столом – разделочные ножи, топорики, щипцы для отлова морской живности. Время от времени какой-нибудь из этих предметов становится моей парикмахерской или брадобрейной принадлежностью. Не превращаться же в орангутанга.

Еще тут, помимо ножей и прочих приспособлений для расчленения, приклеена занимательная схема. На ней изображено, каким образом вас, собственно, кромсать. Расчерчены части ваших тел, еще когда они были ходячими и дышащими, а не выпотрошенными и подвешенными на крюке.

Передо мной – бесстыжее и откровенное описание вашей мускулатуры.

Оказывается, вы состоите из двадцати семи кусков, и каждый имеет свое название. Из чувства солидарности, а также чтобы подтвердить свое намерение писать для вас, я буду озаглавливать части рассказа в честь ваших составляющих. Вы – мои единственные и непосредственные читатели, потому нужно уважить, я так считаю.

Под схемой указано, что на выходе от вас остается зачисток, тонкие остатки, оборыши, морда, студень. А так же внутренние органы, требуха и требушина. При желании, все

это можно употребить в пищу. По крайней мере, можно было пятьдесят лет назад.

Разве это не чудо?

Мой дневник – штука очень интимная. Предупреждаю, я буду делиться самым сокровенным. От сердца отрывать буду, можно сказать.

И поэтому заранее чувствую даже некоторую неловкость, стеснительность.

Что, если мы выровняем шансы?

Например, если в прошлом кто-нибудь из вас был буйволом, то у меня кое-что для него припасено. Маленький компротик. Когда буйволу хочется спариваться, он обнажает свои железы и вынюхивает подходящую самку. Выглядит это смешно – замерший буйвол с вытянутой головой и приоткрытым ртом, весь такой сосредоточенный нюхатель.

Отыскав самку, он направляется к ней и предлагает себя. Та осматривает, оценивает. Иногда чешет рогами у него между ног. Этаким невинный флирт. Буйвол, устав ждать, принаравливается залезть сверху, и если она тут же начинает отскакивать и дергаться – это ее своеобразное проявление согласия. И ему приходится семенить за ней, догонять, взбираться, добиваться. Пока, наконец, он не успеет сострипать дельце.

Откровенность за откровенность.

Все знания, которыми я владею – от папы. От его рассказов и нравочений.

– Все бабы, – любил он говорить, – тупы, как сибирские валенки. И твоя мать – не исключение.

Что такое сибирский валенок, мне неизвестно до сих пор. Подозреваю, какое-нибудь орудие пыток.

– Но что самое интересное, – продолжал папа, – врожденная тупость не мешает им совать нос в любое дело, да еще и давать советы, помогать, напуская на себя важный и умный вид.

Верх абсурда – это когда баба, без царя в голове, разумеется, а это, по сути, каждая первая, – принимается командовать. Руководить процессом.

Вот как он говорил. И в подтверждение правдивости своих слов давал мне оглушительные оплеухи.

Он считал подобные процедуры лучшей профилактикой для подростка, чтобы не стать ему тупым, как сибирский валенок. Как баба.

Но Иена заверяет, что мне это не помогло. Мужлан мужланом, хоть кол на голове теши.

На что, теоретически, должен рассчитывать единственный в мире мужчина? Ответ, согласитесь, туши, очевиден – он властелин. Царь мира. Нерушимый самодержец планеты.

Меня зовут Андрей. Как и отца, деда и прадеда. Имя означает – мужественный. Вполне обосновано в мире, где балом правят одни женщины.

Андрей IV Неповторимый. Звучит. Просто восхитительно звучит. А что мы имеем на самом деле? Взнузданный бычок-осеменитель.

Мое восхождение на престол совпало с расцветом темных веков. Табу на секс, побег в комнату с баночкой, тягостные воспоминания об отце.

Из короля я был заочно низведен в услужливого семяноса.

Это было б смешно, если б не было так грустно.

Не раз папа внушал мне, что женский пол следует называть «бабами».

– Между нами только так и стоит на них говорить, – заговорщицки шептал, – большего они не заслуживают. Но при них надо величать – женщина, а еще лучше – девушка. Даже если с нее штукатурка сыпется, а руки похожи на куриные лапки.

Девушкой можно называть любую бабу с явными знаками зрелости, потому что до этого она просто девочка. А девочка, в папином разумении, является шумным и глупым биологическим мусором.

Чтобы обозвать бабу женщиной, нужно невзначай глянуть на ее руки и шею. Если они хоть чуточку дряблые, изношенные, потрепанные морщинами – ничего не поделаешь, песня спета. Женщина.

Бывают, конечно, случаи, когда семидесятилетний огрызок настолько примолаживается, с помощью хирургии, тонн косметики и кремешной тьмы, что становится похожим на прелестную кралечку.

– Тогда смело говори ей «девушка». Ее это может довести до экстаза, а там, глядишь, и откинется...

– Запомни! – внушительно произносил папа, с размаху впечатав мне подзатыльник. – Совокупления со старым седым бабьем у тебя не будет. А знаешь – почему?

– Потому что это безрадостно, – предположил я. И тут же получил оплеуху.

– Нет, дурень! Потому что их в Киеве нет. А почему?

Я совсем растерялся. Папа это заметил и тюкнул по затылку.

– В совокуплении с такими самками нет ничего продуктивного. Вместо яйцеклетки у них вытекает только костный мозг. Нельзя позволять себе легкомысленного расточительства.

Я, как обычно, внимательно слушал и почесывал то место, куда папа направлял практическую подоплеку устных нравов-учений. Вслед за затылком это могло быть левое ухо, плечо, подреберье.

Папа хлебал пиво и самодовольно подмигивал прохаживающему стаду баб.

– А бабушка? – вдруг спросил я недоуменно.

– Какая бабушка? – папа замер, уставился на меня, держа на излете бутылку для следующего глотка.

– Любая. Когда бабу можно называть бабушкой?

И тут папа хорошенько махнул мне по уху.

– Ты что, бабушку никогда не видел? – закричал. А я, пригнувшись, быстро замотал головой. – Ее уже можно никак не называть! Ей пора залегать удобрением для почвы!

До похода в гости к медику Зине, а это случилось пару недель спустя, я и вправду никогда не видел ни одной бабушки. Да и после того не видел.

Бабушки стали в Киеве столь редкостны, как и выхлопные газы.

Звучит странно, но сегодняшний Киев – репродуктивная

и заповедная зона.

Все так. Попасты в него крайне тяжело. Половозрелые самки проходят тщательный контроль в Бюро Регистраций. А вот покинуть достаточно просто – нужно только перестать вырабатывать яйцеклетки.

Не хочу создавать предвзятого впечатления, будто Киев превратился в большой и размалеванный город невест. Да, куда ни плюньте, попадете в салон красоты, парикмахерскую, инъекционный кабинет, бутик одежды или магазинчик с аксессуарами. Тем не менее, там хватает мрачноватых и неухоженных куриц. Хватает большедетелых и худосочных. И хватает просто страхолюдных кикимор.

Как правило, это те самые троещинки, из-за которых перепало на орехи и папе и мне. Но о них позже.

Маленькая интрига, туши.

Интересно, есть ли среди вас сверстники моего прадеда. Или вдруг какое-то другое животное, разделяющее со мной холодильные апартаменты, еще имея глаза и голову, застало старинный, неизменный город.

Киев теперь – обиталище мужчин. Единственный город, где они есть, скорее – еще месяц назад были. В единичном экземпляре.

Но с виду ничего подобного. Практически со всех угол-

ков города можно увидеть «Зеркало Венеры», громадный и устрашающий знак женской власти. Находится этот монумент, кстати, на том месте, где раньше стояла тетка с мечом и щитом, в два раза меньше. Тетка эта, как ни удивительно, символизировала нездоровое пристрастие мужчин к истреблениям и завоеваниям. Со времен прадеда это пристрастие резко и радикально пошло на спад.

Что характерно – крестовина «Зеркала» находится не снизу, как было положено в древности, а наискось сверху. Папа сказал, что это вовсе и не зеркало, а пенисное кольцо со штопором-закруткой.

Мужской же символ – «Марс со щитом и луком» – помещен внутрь женского. Маленький, скромненький, куценький. Да еще и вертится, как чокнутый флюгер.

Как вам такое нравится, туши?

Не знаю, как дела обстояли при вас, но сейчас каждая киевская улица, а их порядка нескольких тысяч, имеет свой определенный цвет. Улица Тюльпанов, где я встретил впервые Иену, бирюзового оттенка. Дома, асфальт, столбы, лавочки, ступеньки, заборы – все бирюзовое.

В точь, как мошонка у зеленой мартышки.

Единственное, что не бирюзовое – это светоотражающая разметка и дорожные знаки. Они бронзовые. И как только

женщины додумались.

Ну да, еще названия улиц. Мой дед, Андрей II Валух, рассказывал отцу, что малым карапузом застал их переименование. В честь цветка, растения, дерева. Главная теперь – улица Роз. На ней запрещено движение транспорта, а дорога сплошь утыкана розами и усыпана лепестками. Когда гуляешь по ней, особенно в ветреную погоду, лепестки так и норовят влезть в рот. А вообще, конечно, красиво. Можно целый день напролет топтаться по ним и кайфовать.

Вот какой Киев теперь – пестрый и разукрашенный. Будто подвергся акварельной бомбардировке.

Да, именно бомбардировке. Сравнение из прошлого, знаю. Непонятное и странное сейчас. Как ни борись, а дремучие мужланские гены иногда дают о себе знать.

А вот Киев прошлого являл собой достаточно жалкое зрелище. Обильное нагромождение безликого бетона, окутанного сизым дымом. Люди только тем и занимались, что лихо-радочно бегали туда-сюда, толкались, ругались. Заняты они были одним – деланьем денег. И деньги у них водились. Но далеко не у всех. Люди карабкались к хорошей жизни, но зачем она им – и сами не знали. Им было привычно в старом грязном болоте, коим значился город.

Не то, что сейчас. Цветастое загляденье.

Не считая жуткого «Пенисного кольца со штопором-закруткой» и Дома Матери.

Киев раньше напоминал дряхлую прокуренную гримзу. Сосуды дорог в изломах и трещинах. Покосившиеся дома, как выдавшие виды, подгнивающие зубы. А небоскребы в центре имели вид побрякушек, не столько необходимых, сколько ради моды – раз в других городах есть, то и в Киев нужно. Грымза боролась со своим естественным оволосением, безжалостно сравнивая с землей парки и скверы.

А все потому, что населяли город люди тупоголовые и примитивные. Они не понимали, не любили, не ценили его. И вместо того, чтобы быть милой и добродушной бабушкой, город был придирчивой и ворчливой гримзой.

Исторические сведения я почерпнул из папиных бесед. Он любил рассказывать о прошлом. Но еще больше он любил напоминать о теперешнем положении вещей.

Папа не упускал случая повторять, что на сегодняшний день любая беременная баба вместо выпуклого пуза может с таким же нагло-отрешенным видом носить пояс шахида.

По статистике, из ста беременных баб рожают около со-

рока. Рожают, понятное дело, девочек. У некоторых через неделю-вторую случается самопроизвольный выкидыш. И это еще считается везением.

У второй половины беременных случается так, что начиная примерно со второго месяца – плод вдруг погибает. По до сих пор не выясненным причинам.

И всегда выходит так, что плод этот – мужского пола.

– Насколько мне известно, – говорил папа, – те бабы не предъявляют никаких претензий по поводу того, что носят в животе мертвого зародыша. Не бегут сломя голову к акушеру-гинекологу в Дом Матери. Не жалуется на судьбу. В определенный момент они перестают вообще что-либо делать. А вот с ними, наоборот, уже можно делать все что захочется. Лучше всего, конечно, – это удобрять ими почву.

Какой бы папа ни был историк, но язык не поворачивается назвать его культурным и воспитанным представителем эксклюзивного мужского рода.

Часть третья. Оковалок

Если вышло так, что все мужчины одним махом переселились на другую планету, могу себе только представить, с каким злорадством они бы предвкушали фиаско женщин. Ставших вдруг независимыми и беспомощными.

По логике событий – фиаско неминуемое.

Но, спрашивается, с каких это пор женщина стала существом логичным и последовательным?

Цивилизация не пришла в упадок. Женщины очень быстро сообразили, что отныне задаривать и покупать их некому. Вместо оружия, машин и техники мировое производство переориентировалось на совершенно другие потребности. Магазины битком набили всякой дрянью – косметикой, парфюмерией, шмотками и бижутерией. На поверку – Золотой век феминизма оказался возможен только после практически полного истребления мужчин. И слово «практически» здесь очень важно, потому что крайне показательно, чтобы один да остался.

Смотрел, обалдевал и просил пощады.

Под чутким руководством женщин и мнимым командованием деда город Киев стал закрытым. Сегодня в нем проживает около пяти миллионов населения, а ежедневные утраты рожениц восполняются с остальных городов планеты.

В радиусе пятисот километров от Киева нет ни одного завода, фабрики или дымящей трубы. Снабжается город извне, по электрическим магистралям, пронизывающим окрестности во всех направлениях. Огромный гипермаркет, в котором я чешу заживок – заброшен, полуразвален и находится на отшибе городской черты. Сколько горючего хватило, туда и доплелся.

Впрочем, об этом тоже позже.

Ну как, тушки, снова заинтригованы?

Еще до того, как усесться своим калорифером за письмо, я решил следующим образом: первая тетрадь – это описание причин, по которым мне наследственно предназначено поселиться в холодильнике и зажить беспечной отшельнической жизнью; а вторая – рассказ, почему я наконец-то сделал это. Рассказ о том, что стало последней каплей.

Третья – теперешний быт. Мое заслуженное заточение и наказание.

Ну, туши, смею надеяться, по ходу дела вы втемяшите. Хоть и слишком уж выпотрошено вы выглядите, не в упрек будь сказано.

К тому же, от вас не убудет, если я буду повторяться или забываться, перескакивая с темы на тему, как резвящийся горный козлик.

В непосредственной близости от «Пенисного кольца» находится Дом Матери. Главное акушерское, гинекологиче-

ское, неонатологическое и фетологическое учреждение страны. Много умных слов, но, по сути, там занимаются женским здоровьем в связи с беременностью и родами.

Папа и тут едко пошутил, окрестив Дом «Патан-кабаком».

– Ничего не скажешь, зданьце масштабное, – насмешливо замечал папа. – Так и давит своей монументальностью. Все, что есть новейшего для сохранности бабьего передка – собрано здесь. Не удивлюсь, если штатом числится треть Киева.

К слову, Иена тоже там работала. Вылавливала моих прихвостней и сортировала по степени полноценности.

Еще когда дед был жив и заправлял «батончики нугой», стали ходить слухи, что в Доме изобрели некую сыворотку вечной молодости и красоты.

Папа долгое время пытался выудить информацию об этой сказочной сыворотке. Но так ничего и не узнал. Чему я ни капельки не удивлен, учитывая его методику расспросов и общение с женщинами в целом.

– Ладно, пес с ними, – заявил он однажды, махнув рукой в сторону Дома. – Все равно половина обрюхаченного состава до сих пор мрут, как мухи.

Папа часто любил повторять, что в мире нет абсолютных бездельников. Потому что само безделье – тоже немалый

труд. Особенно, если находишься в постоянном окружении женщин. Пардон, баб.

– И тем более, – добавлял он, – если нет даже надежды, что, кроме баб, может появиться кто-нибудь еще. Мужчина, например.

Наше с папой относительное ничегонеделание использовалось на воспитание и болтовню. По известным причинам я не учился в школе, репетитором и наставником числился отец. Отчего я и ходил постоянно в синяках и ушибах. И хватался всяких гадких словечек.

Но вот уже более пяти лет, как папы нет. А мертвые, как известно – не словоохотливы. Впрочем, я чувствую, что многое из наших бесед отлично отложилось в моей памяти, и вам, туши, это будет не безынтересно.

Вот, например, что он сказал незадолго до кончины:

– Сынок, ведь поверь мне, веселого мало. Когда я дам дуба, ты останешься единственным мужчиной на планете. Подумай об этом...

Я и думаю. Думаю, думаю, думаю.

И пришел я пока лишь к одному выводу – веселого и вправду мало.

Что случилось с мужским населением, доподлинно неизвестно. Есть множество теорий, домыслов, слухов. Все они

скудны, мутны, противоречивы и, разумеется, не дают развернутой картины. Так всегда, когда информация исходит от любителей сплетен и пустопорожней трепотни.

Непреложным фактом остается землетрясение, которое затронуло все уголки планеты. Одни заявляли, что его спровоцировала диковинная комета. После нее в небе несколько дней мерцало зловещее зеленоватое свечение. Оно и послужило причиной демографической катастрофы.

Другие же доказывали, что комета приплетена необоснованно. Будто именно землетрясение спровоцировало катастрофу на секретном объекте, и оттуда ядовитые испарения распространились в воздухе по всему миру.

Но, так или иначе, спустя неделю вся компания фертильных мужчин, населявших Землю, стала удобрением для почвы.

Тем, что человеческий вид не стал последователем дронов и маврикийских чубатых попугаев, мы обязаны моему прадеду. Хотя для этого ничего героического, на первый взгляд, он не совершал. Наоборот, думаю, будь у него возможность выбора – он сто раз подумал бы.

А вышло так. Мой прадед выпал с вертолета, пока фотографировал разрушения саркофага на Чернобыльской АЭС.

Когда колебания земли утихли, прадед вместе с группой специально обученных самцов отправился исследовать степень разрушений. Он был кем-то наподобие штатного фотографа.

Если рассуждать отвлеченно, то, кроме прадеда, никто больше мог и не лететь. В остальных потребность отпадала. Вся группа оказалась в действительности сборищем зрителей, с любопытством наблюдавших, как мой прадед спикировал в ущелье реактора.

Все же один человек пригодился. И он сыграл важнейшую роль в спасении человечества.

Медик по имени Зина. Та самая единственная бабулька, которую мне удалось лицезреть воочию.

Прочие зеваки были мужчинами. Никто из них, разумеется, и в ус не дул, что рутинная вертолетная прогулка будет их последним событием.

Но уже через час после вылета большая их часть примет активнейшее участие в Великой Бабуинизации.

Именно благодаря Зине всплывет имя моего прадеда. Когда его нашли, он лежал внутри АЭС несколько дней кряду. На сохранении, так сказать.

Та жуткая неделя смертей нынче известна миру как Великая Бабуинизация. В свойственной себе саркастической манере Иена разъяснила, что принято считать – мужички в один прекрасный момент вернулись в свой изначальный вид, к своему естественному состоянию. Превратились в грязных, вонючих, глупых и упрямых приматов.

После этого заявления во мне только укрепилось мнение, что Иена с моим отцом – еще те родственнички.

А ведь что интересно, Бабуинизация затронула лишь половозрелых особей. Мальчиков и кастратов обошло стороной. До поры до времени.

Как только паренек мог похвастаться первой поллюцией – пиши пропало. В считанные минуты он превращался в удобрение для почвы.

Кстати, бабуина называют интеллектуальной обезьяной и утверждают, что их сообразительность и стремление жить в социуме превосходят шимпанзе.

Эти обезьяны используют тридцать различных звуков для общения. Они могут хрюкать, кричать и лаять. Помимо вокализации, бабуины могут зевнуть, причмокивать губами или пожимать плечами, чтобы общаться между собой.

Стаей заведует альфа-самец. В его распоряжении несколько десятков самок, которыми он пользуется в удобное для себя время. Очень лакомое положение, ничего не скажешь.

Самки же готовность к брачным отношениям проявляют физиологически: набухшая красная попа бабуина безошибочно свидетельствует о том, что она готова. Вот у нерожавших самок объем припухлости увеличивается и достигает чуть ли не трети массы тела.

Сугубо на любителя барышня.

Что ж, следуя логике мужского превращения, если б Великая Бабуинизация хоть частично затронула и женское население, то добрая половина Киева сейчас расхаживала бы с огромными, багрово отекшими задами.

Вот другое дело – обезьяны бонобо. Эти ребята помешаны на сексе. И занимаются этим отнюдь не только для про-

должения рода. Они имитируют совокупление, заменяя многие конфликты и агрессивные разборки весьма недвусмысленными ласками с представителями и своего, и противоположного пола. Например, спор двух самцов за право обладания самкой кончится не дракой, а эротической игрой, в которой проигравший получает своеобразное утешение. А две самки перед тем, как приступить к еде, сделают друг другу приятно.

Что еще примечательно. В миг, когда половозрелый человеческий самец превращался якобы в примата, он произвольно совершал действие, от которого когда-то и родился на свет. Он выбрасывал драгоценный коктейль из головастиков.

Впрочем, коктейль этот выглядел весьма причудливо и настораживающе. Мало того, что сперма флуоресцировала, как жало скорпиона, так она еще и была невероятно токсична и въедлива.

Поголовно все мужчины умирали с мокрыми трусами. Без шуток, туши.

То, что пилотов самолета застала врасплох Великая Бабу-

инизация, я могу судить по пятнам на сидушках. Так же, при желании, я могу высчитать, сколько пассажиров мужчин было в салоне.

Но кому это уже нужно.

Поведение моего прадеда в последний месяц своей жизни – вылитый прототип обезьяны-бонобо.

Ему крупно повезло. Если можно так выразиться по отношению к мужчине, оставшемуся одному среди огромного количества одиноких женщин.

На тот момент – по внешним показателям – он являл собой образец самца. Молодой, высокий, стройный, беззаботный. Это его, пожалуй, и спасло. Ибо была в группе девушка-медик, что жаждала быть оплодотворенной им. Ее звали Зина.

Эта самая Зина потом рассказывала, что прадед непрерывно шутил и бахвалился во время полета. Он чувствовал, что близится его звездный час, но он, пожалуй, в самом страшном сне не мог представить, каким именно окажется этот час. Его поглощала идея удачной фотографии – он то хватал фотоаппарат, подбирая удобный ракурс, то настраи-

вал объектив и прочие параметры.

Когда вертолет застыл над развалинами АЭС, прадед отстегнул ремень, мешавший сделать золотой кадр.

Медик Зина, обеспокоенная безрассудством потенциального жениха, закричала:

– Пристегнись обратно, выпадешь же!

Прадед задорно подмигнул и крикнул в ответ:

– Все под контролем, конфетка!

Не прошло и минуты, как пилот вертолета подключился к Великой Бабуинизации. Транспорт круто пошел в крен.

Для прадеда этот маневр оказался спасительным.

Я знаю, кто такие японские камикадзе только лишь потому, что медик Зина знала. А услышал я это слово впервые от отца. А он – от нее. Она первая сравнила моего прадеда с японскими смертниками.

Вот такая замысловатая цепочка моего словарного запаса.

Подобно остальному, лишнему и канувшему в небытие контингенту вертолета, Зина ничем не могла помочь прадеду. Ну, выпал так выпал. Зона внутри АЭС считалась радиационно загрязненной, и если прадед не развалился от удара на составные части, то крохотные химические элементы завершат дело.

Сам прадед имел крайне мало общего с той же белкой-ле-

тягой – и его приземление казалось весьма-весьма болезненным. Никто из пассажиров, сидевших в вертолете, как бесполезные болванчики, не сомневался, что он грохнулся на смерть.

Активно бытовала мысль, что ему там внизу просто-напросто костей не собрать.

Лишь медик Зина верила в прадеда. Верила, вопреки здравому смыслу и полученному образованию, в обыкновенное чудо. Верила, что он, пусть даже и не соберет костей, но все же выживет.

И знаете что – она ведь оказалась права. Разве это не чудо.

После крушения вертолета медик Зина отделалась лишь ушибами и царапинами. Выжить удалось, хоть и на очень короткое время, еще двум мужчинам. Двум безликим статистам в катастрофе планетарного масштаба. Они пока еще не совершили свой прощальный залп.

И, что самое удивительное, самым живучим и долгоиграющим оказался именно прадед. Мало кто верил, что пролетев десятки метров, врасстопырку, как белка-летяга, он вообще кости соберет. Но медик Зина верила.

Она и принудила оставшихся членов экипажа отправиться на поиски. Без сознания, переломленного вдоль и поперек, но дышащего, прадеда отыскиали.

Вскоре после этого те двое самцов неожиданно отсалютовали.

Пока фертильное мужское население активно превращалось в собакоголовых обезьян, прадед валялся в коме внутри реактора. Дозы облучения, которую он там накапливал, вполне хватило, чтобы в его присутствии загорались лампочки. А она помогла ему выжить – не выстрелить едким в трусы и не стать удобрением для почвы. Какая жестокая ирония.

Вскоре стало ясно, что прадед остался один-одинешенек обладатель члена. Эта новость разлетелась по всему миру. Над ним тряслись и квочковали лучшие докторши, а в захудалую киевскую больницу завезли самое лучшее оборудование.

Если в вертолете его стеснял в движениях страховочный пояс, то в результате падения его движений не стесняло уже ничто. Перебитый хребет сделал из прадеда инвалида. На весь остаток жизни.

А жить ему оставалось ровным счетом месяц.

Справедливости ради стоит отметить, что в сознание прадед так и не придет.

Он занимал крайнее и самое опасное место в салоне вертолета. Этот факт оказался решающим. Иначе он бы просто не упал.

И дело не в том, туши, что было бы странно, если б единственному фотографу в толпе левых и без одного часа дронтоподобных пассажиров пришлось ютиться где-нибудь посередине.

А в том, что прадед обладал одним серьезным на то время генетическим дефектом. Он был гомосексуалистом.

Как и положено страдающему комплексом неполноценности самцу, прадед всячески демонстрировал свои качества. В том числе и бесстрашие. Повторюсь, он сидел с краю, чтобы удобней фотографировать АЭС, и при этом бравадно снял ремень безопасности.

Медик Зина вспоминала – когда пилота вертолета застала Великая Бабуинизация, прадед вывалился из салона. С оглушительным криком он шмякнулся аккуратненько в образовавшуюся трещину.

Таким образом, гомосексуальность прадеда сыграла ключевую роль в спасении человечества. Ведь будь он простецким рубахой-парнем, то сидел бы в центре, заглушал страх идиотскими шуточками и для виду щелкнул бы пару кадров из-под подмышки соседа.

Часть четвертая. Челышко

Треть самолета, торчащая наружу, сохранилась в отличном состоянии. Та часть, которую принято называть хвостовой. У ящериц в случае опасности хвост отпадает, у самолета он или разрушается вхлам, или остается целехоньким.

Порывшись, ничего интересного и съедобного я там не обнаружил. Сплошь гниль да плесень, местами завернутая во вздувшийся полиэтилен. От удара при падении весь мусор вывернуло на пол, отчего образовались отсыревшие, лежалые кучи. Перед каждым креслом, на спинке предыдущего, есть кармашек. В нем хранится бумажный пакет – для тех, чьи организмы не могли удержать пищу при авиаперелете. Также в кармашке запиханы журналы, предназначенные отвлечь от мыслей о бумажном пакете. В хвостовом отсеке, наименее испорченном временем, я и отыскал один из таких, более-менее читабельный.

В журнале есть статья, с картинками. В ней идет речь о некоем острове Крит. Написано, что это не просто остров, а прямо таки жемчужина посреди морей. С белоснежны-

ми песками, чарующей природой, лазурной водой, отменной кухней и грандиозным культурным наследием. На картинах, для всех сомневающих, изображено подтверждение красот и прелестей острова. Не удивлюсь, если самолет вез пассажиров именно на этот остров.

Что ж, туши, после наступления Великой Бабуинизации дверцы лавочки с грохотом захлопнулись.

В считанные дни в мире воцарился сущий ад. Мужчины погибали пачками – в самых неожиданных местах, в самых непредвиденных позах. С бухты-барахты практически.

Остров Крит, равно и другие острова, полуострова, а с ними и материки – стали свидетелями кошмарных катастроф. И последовавшего затем хаоса. Несметное количество аварий, взрывов, смертей. Мужчины, один за другим выключаясь из текущих проблем, посмертно создавали их в геометрической прогрессии.

Многие из женщин оказались неспособны созерцать на вакханалию равнодушно и философски. Они сходили с ума, вскрывали себе вены, глотали пригоршнями таблетки, выбрасывались из окон.

Вы понимаете – что-то невероятное и чудовищное происходило в первые недели после наступления Великой Бабуинизации.

С присущей ему зловредностью, папа заявлял, что на самом деле с мужчинами вышло все гораздо прозаичней. Женщины их просто порешили. Одного за другим. Вселенский гендерный заговор. Посчитав, что они и так вполне в состоянии справиться с тем, что им преподносит жизнь, они избавились от отжившего свое довеска.

Прадеда же не трогали, поскольку он являл собой радиационный отходник. И протянуть ему долго явно не судилось.

– А почему тогда мальчиков не трогали? – удивился я. – Пожалели?

– Еще чего, пожалели, – усмехнулся папа. – Самый сок кокнуть мужчину, когда он созревает для секса. Когда он вот-вот испробует это блаженство. А тут раз – и жмур!

Когда я спросил по поводу последнего выстрела, папа отвесил мне действенную оплеуху и тонко намекнул не донимать дурными расспросами.

Папа рассказывал, что далеко не все мужчины в прошлом

были крутыми перцами. Случались и отбросы, побочные продукты сильной половины человечества.

Но мужчины, какие б они не были и что из себя не строили, всегда стремились к сплочению, к проведению времени сообща – весело и беззаботно.

– С бабами это невозможно, – веско рубил правду папа. – С бабами всегда нужно быть начеку, сдерживаться, чтобы не упасть лицом в грязь.

Самым постыдным вариантом сплоченности среди мужчин являлись гомосексуалисты.

– Какие еще глисты? – недоуменно спросил я. И совершил огромную ошибку. Папа озверел.

– Го-мо-сек-су-а-лис-ты, – сквозь зубы процедил каждую букву. Затем приложился ладонью мне по затылку. Вышел глухой хлопок. – Повторяй за мной.

– Гомисты... – хныча, кое-как повторил. Он треснул меня еще раз.

– Му-же-лож-цы.

– ...ложцы...

– Пе-де-рас-ты! Повторяй!

– ...п-расти...

Еще один чувствительный удар. Я умывался слезами.

– Голубки!

– ...лубки...

– Геи!

– ...эи...

– Жопо-лазы! – заорал.

– ...лазы...

– Глино-меси!

Я разревелся и не смог повторить.

Ну, теперь, туши, и вы в курсе, что это все одни и те же.

Я лично запомнил навсегда.

Итак. Представьте себе такую ситуацию. Вот есть двое бычков. Мощные, статные, или, скажем, наоборот – жалкие и немощные, это неважно. Между задних копыт у них свисают волосатые ядра, а с пуза торчит штырь. Вокруг бычков пасутся сотни коров, на любой вкус. Хватай любую и тащи в кусты.

Но нет. У этих бычков свое на уме. Вместо того, чтобы взбираться на коров и состряпать дельце, они взбираются друг на друга. На полном серьезе, туши. И то место, откуда у мужика должны выходить лишь шлаки, затыкается отростком второго мужика.

Про продуктивность и говорить не стоит.

– Мужская дружба бывала и такой, – говорил с омерзением папа.

В силу своего генетического дефекта прадед предпочитал водить шашни с другими самцами. В отличие от отца, не могу назвать это предосудительным. Поскольку среди животных такое поведение встречается сплошь и рядом. Чего стоят упомянутые раньше обезьяны-бонобо, и их беспредельные утехы.

Но прадед не был полноценным бонобо. И тяга к однополрой любви среди людей считалась, мягко говоря, неправильной.

Вот таким ханжеским был раньше Киев.

Когда отец рассказывал о прадеде, он прямо кипел от негодования. Секс между мужчинами даже рядом не стоял с продуктивностью. А на ней отец был повернут, как никто другой.

Предполагаемый процесс совокупления между прадедом и партнером он называл не иначе, как «взрыв хризантемы».

Видимо, он находил в этом изощренном сравнении особый гнусный шарм. Анус, кольцом мышц сжимающий просвет кишечника, создавал множество мелких складочек, рассеянных лучиками по окружности.

Естественно, отдаленно это может напоминать невинный цветок. Имея папину извращенную фантазию, можно придраться и к кухонному толкачику.

Папа с гадливостью заверял:

– Вот представь, вместо того, чтобы охмуривать какую-нибудь глупенькую бедрастую цыпочку, он выискивал, какому бородачу взорвать хризантему.

Послушайте, туши. Я ни на что не намекаю. Поверьте, ни на кого из вас я глаз не положил. И хризантему взрывать никому точно не собираюсь. К тому же, не в обиду будь сказано, тяжело отличить среди вас бычка от коровы. Вы все так умилительно висите и тщательно выпотрошены, что и фаворита не определить.

Я уверен, что среди вас найдется бычок. Бывший, разумеется. В отставке, как я. И наверняка не один. И мне очень важно, чтобы мы поддерживали дружбу. Вот именно – дружбу. Мужскую дружбу. Самое ценное, что возможно у нас.

Но я не знаю, что это. От папы я ничего вразумительного получить не смог, нигде об этом не прочесть. Вот я и решил придумать определенные каноны, которые, как по мне, ей присущи.

Прежде всего – честность и откровенность. Я вам выкладываю все как на духу. И вдвойне приятно, что вы внимательно слушаете и даже не пробуете перебить.

Второй важный момент – общие секреты. Нечто такое, о чем знаем только мы. Я думал над этим, и вот к чему я при-

шел.

Тайные словесные шифры. Закодированные пароли в виде фраз, понятных только нам. Папа любил использовать пошлые идиоматические выражения, я же предлагаю пичкать тетради символизмом.

Период, когда я встречался с Иеной – Период Склещивания.

Дни, когда исчезли мужчины – Великая Бабуинизация.

Время буйства деда – Эра Клоповьего Рая.

И так далее.

Как по мне, звучит неплохо.

– Никогда не было так, чтобы бабы с пониманием относились к мужикам, – сказал мне однажды папа. – Все их не устраивает, все им нужно изменить в нас. Например, в давние времена мы устраивали войны. Ну, это когда мужики превращали все живое в удобрение для почвы. Зачастую чтобы повысить самооценку или что-нибудь поделить. Занятие на самом деле захватывающее и волнительное. Так нет, из-за бабьего нытья время от времени приходилось прикрывать лавочку потехи.

Признаюсь, я тогда очень переживал, что не услышу папу. Он говорил невнятно, тихо, временами что-то бубнил себе под нос.

Он был погружен в старую, широко распространенную еще до Великой Бабуинизации, мужскую игру. Она заключалась в праздном наблюдении за бабами и молниеносном определении – с какой бы из них вступил в половой акт, а с какой нет. Своего рода умственная гимнастика.

В свое время дед пробовал теоретические умозаключения перевести в плоскость полевых испытаний. И довольно длительное время преуспевал на этом поприще.

Разве это не чудо?

Папа заметил, что я нервно ерзаю, чтобы не пропустить важную сентенцию.

– У тебя что, те самые гомо-глисты? – с ухмылкой спросил.

– Та нет, просто прилип к скамейке. Запрела задница.

– Ну, бывает, – философски заметил и глотнул пива. – Знаешь, в любой войне бывали свои изюминки. Например, так называемые камикадзе.

– Камикадзе? – переспросил я недоуменно.

Он так страстно зыркал по сторонам, что не обратил внимания на мой вопрос. Округлые попки, выпуклости груди, оголенные ножки – я заметил, что его штаны противно топорщились.

– А?

– Камикадзе, па.

– Ага, ну да. Так называли японских летчиков-смертников. Они направляли свои самолеты на вражеские корабли и таранили их, – ответил папа. И вдруг подскочил, чтобы ущипнуть лакомый зад гордо шествовавшей блондинки. Та вскрикнула, обернулась и с нескрываемым презрением глянула на отца.

– Знаешь, что они кричали, когда пикировали на врага? – продолжил папа. – Они кричали «банзай!». Это что-то вроде нашего «ура», чтобы поднять боевой дух перед смертью.

– Понятно, – меланхолично заметил я.

Мимо прошла мамаша с добрым, все понимающим лицом атакующей акулы. За ней, подобно рыбе-прилипале, клеились две малолетние, шалопайского вида девочки.

Дело шло к вечеру. Утомленные солнцем, мы празднично подставляли потные лица ветерку. И становилось почти терпимо. Я расслабленно закрыл глаза.

И тут:

– Банзааааааай! – как завопил на всю улицу папа.

Все вокруг шарахнулись. Девочки взвизгнули. А папа покатывался со смеху.

– Что, навалил кирпичей? – довольно спросил.

Я пожал плечами, замечая, как нас тщательно обходили стороной.

– Знаешь что, – самодовольно склонился ко мне и показал пальцем на косившихся женщин. – Всем бабам, которых мы

брюхатим, следует истошно орать – банзааааай!

Да, в этом весь мой отец.

Еще у него была потребность – напускать туману. Хлебом не корми, дай использовать собственные формулировки старых понятий, многие из которых, он считал, утратили свою ценность. И чтобы формулировки были позабористей.

К примеру, он говорил, что мы не сперму выпырскиваем внутрь женщин, а миллионы троянских коней.

Разумеется, я сейчас вступил бы в дебаты. Прежде всего пытаюсь выяснить, когда это я успел выпырнуть сперму в женщину. Поскольку все мои любовницы всегда компактно помещались в пробирке.

Но тогда я всего лишь спросил, что такое троянский конь. В ответ он мне врзал.

Думаю, он просто не знал. Как и многих других вещей. Те знания, которых он успел нахвататься от медика Зины, отец передал и мне.

Правда, только в одном формате – в виде хлопков, подзатыльников и затрещин.

У меня не было медика Зины. Моим воспитанием полностью занимался отец, Андрей III Жалкий. Его же воспитывала медик Зина. Но к тому времени она уже была ветхой и маразматичной старушенцией.

Что ему еще приносило удовольствие, так это в грязных деталях описывать соитие с каждой проходящей девушкой. Соитие фантастическое, разумеется. Оно происходило лишь в чертогах его собственного мужланского воображения.

Ему от этого явно было легче на душе. Пусть в действительности он обрюхачивал только тех, кого разрешалось. Подобно кукушке, что носит яйца в чужие гнезда, папа носил свои по разным гостиничным номерам.

Отец, Андрей III Заарканенный, прекрасно осознавал, что его скрутили в бараний рог.

И вполне миролюбиво занимался священным действием зачатия. Если вообще можно так выразиться, учитывая, что он запихивал в женщин бомбы замедленного действия. Или троянских коней.

А за пробелы в образовании обидно. Иене ничто так не доставляет удовольствие, как постоянно тыкать мне носом в это.

Папа глушил меня, вместо того, чтобы просвещать. Он так усердно шлифовал мою прическу, что волосы сзади росли быстрее – от постоянно стимулирования и раздражения.

Приходилось часто стричься, а то с заросшей холкой я походил на почувявшего опасность вздыбленного шакала.

Мне приходят в голову мысли, что и сам отец мог не знать толком значения многих мудреных фразочек, которыми бахвалился передо мной.

Впрочем, чего греха таить, лучшие вечера семейной жизни я провел как раз в обнимку с папой. Это было время, когда мы смотрели, как цапают антилоп крокодилы. Как заваливаются отдыхать в выжженную траву сытые красномордые львицы. Как рыскают по океану акулы, остро высматривая, что бы сожрать или кого бы испугнуть.

И возможной наследственной тяги взрывать хризантемы между нами и в помине не намечалось.

В наследство, помимо главного – кожаного мешочка по-меж бедер – мне перешла коллекция дисков про животных.

Машины у меня отобрали. Как и ту, что я утопил в реке неподалеку. Дома я лишился, поскольку живу теперь в морозилке торгового центра. Чему и несказанно рад.

А вот диски. Диски, засмотренные до дыр, я особенно любил. И жалею, что утратил.

Ах, еще из наследственно – чувство вселенской вины. Оно-то точно никуда не делось.

В период воспитательного затишья папа решил познакомиться меня с медиком Зиной.

Встреча с медиком Зиной отложилась в моей памяти, как событие странное и муторное. В ее захламленной квартире царил беспорядок, десятки котов шастали вокруг. Сигаретный туман, казалось, полностью вытеснил остатки воздуха.

Она сидела на кресле-качалке и гладила взрослого сфинкса. Кот был похож на деформированный кусок резины.

Зина подозвала меня ближе. Весьма смутно ее помню. Сухое, страшно испещренное морщинами существо. Крошечная головка на гибкой шее, покачивалась из стороны в сторону. Клок седых волос, как у обезьян-капуцинов, костлявые худые пальцы. Наглядное пособие того, во что не стоит превращаться женщине.

Умерла она, кстати, почти таким же образом, как и любовь всей ее жизни – мой прадед. Она свалилась со стула, когда протирала пыль на люстре. И сломала позвоночник. Совсем он у нее хрупкий стал. Как и в ситуации с прадедом, она просто не смогла собрать собственных костей.

Едва скрывая раздражение, что нельзя покурить, старая калоша махнула мне когтями.

Подойдя ближе, первым делом я закашлялся.

– Ты чего сюда пришел? – ворчливо заметила Зина. – Показать, какой слабак?

Я замахал головой, но надсадно давиться не перестал.

– Экий паинька, – с ноткой разочарования произнесла. – Твой отец тоже такой. Нежный и бестолковый рохля. Сейчас вот пыжится, пыжится, а толку никакого. И чем дальше, тем озлобленней он будет. К добру это не приведет, вот увидишь.

Я, наконец, совладал со спазмами в горле и уселся на предложенный стул. Всячески избегал смотреть на бабулю, разглядывал, как она гладила кота. Противный, складчатый, как баян, котяра с прищуром фиксировал все мои движения. Казалось, он дожидался, пока я отвернусь, чтобы одним прыжком настигнуть и прокусить мне шею.

Зина скрипучим голосом нарушила молчание:

– Трясешься, как хомяк обоссанный. Аж не верится, что мужчиной когда-то станешь. Что, неохота любоваться женщиной преклонных лет?

Я потупился и пожал плечами.

– А зря. Бабулю видишь в первый и, наверно, последний раз. Старушек теперь выселяют за город, как прокаженных. Видите ли, мы перестали приносить пользу обществу. Что ж, ладно, дело хозяйское...

Женщина преклонных лет вздохнула.

– И чего тебя отец приволок ко мне? – с досадой проговорила. – Думает, я начну мудростями осыпать тебя? Как

быть, что делать. А я старая, уставшая женщина. Живу одними воспоминаниями, – наступила пауза, после которой она добавила: – Одними страшными воспоминаниями.

И тут ее понесло. Она молчала битый час. Я слушал вполуха, хотя видимость внимательности создавал фантастическую. Незаметно, но сочно зевал, давая фору в раскрытии пасти бегемоту.

Среди прочего бабуля поведала, что с крушением привычных устоев, когда мужчины дружно махнули ручками, вздернув напоследок рычажками, женщины с неврастеническими задатками ударились в крайность. Ни для кого не секрет, что и в мирное время эти создания подвержены эмоциональным всплескам, а в случае Великой Бабуинизации так вообще получили прекрасный повод паниковать и лишаться остатков рассудка.

Так вот, эти излишне чувствительные особи сколотили своеобразный кружок по интересам. А интересы их заключались в том, чтобы без лишней борьбы и хлопот последовать вслед мужчинам. Ведь мир рухнул, рухнул окончательно, и ничего уже не будет, как прежде.

Барышни, фанатично преданные былым традициям, проводили беседы, убеждали, напутствовали. С их помощью отправилось на свет много женщин, растерянных и подавлен-

ных после чудовищной череды смертей среди мужского населения.

– Первые недели были самыми тяжелыми, – рассказывала медик Зина. – Мы собирались возле торговых центров, на людных в прошлом площадях. Будто зомби, выходили из своих конур – бескровные, опухшие, растрепанные. И, давясь слезами, принимались собирать трупы.

Бабуля вздохнула.

– Трупы были повсюду. Мы грузили их на тележки, отвозили на улицы. А затем, насобирав громадные горы, сжигали. Столпы пламени достигали лампочек фонарей. Как вспомню, мурашки по коже.

Медик Зина замолчала. Рассеянным взглядом уткнулась в скрученного в ногах кота. Машинальными движениями полировала его холку. А тот, довольно щуря глаза, тархтел, как вибратор.

– Мы называли их «упавшие истероиды», – вспомнила бабуля, криво ухмыльнувшись. – Женщины, которые вдруг становились невменяемыми. Начинали истошно орать или хохотать, царапать до глубоких ран собственное лицо. А бывало, что самое жуткое, бросались в кострище, где сгорали наваленные кучи мужчин. Мы все были на грани того, чтобы стать «истероидами». Казалось, что трупы не кончались.

Находили и находили их – в каждой машине, в каждой квартире. А затем оставляли после себя черные пепелища, прямо посреди дорог. Мы валились с ног от усталости, возможно, это и спасло многих. От постоянного созерцания трупов, от физически изматывающей, рутинной и монотонной работы мы душевно отупели и зачерствели. К тому же на ночь я уходила к прадеду твоему, дежурила у его постели. Это вселяло в меня надежду. Хоть и крохотную, но все же надежду. – Бабуля осеклась, пожевала во рту слюни. – Когда закончилась чистка, женщины вздохнули с облегчением. Мы думали, что злключениям конец. Но нет. Не стало твоего прадеда. Новости с Лагерей Надежд приходили все неутешительней. И тут появились они – «божьи свахи». Женщины в черных плащах и с безумными глазами. И с безумными же речами. Они бродили среди нас, все больше и больше нагнетая обстановку, расшатывая и до того хрупкие нервы. Рассказывали, что гибель человечества на пороге. Что без мужчин мы не справимся, да и не нужно справляться – пришел конец, и нужно поскорее это осознать. И принять. Что наше предназначение – быть с мужчинами, следовать за ними. А раз они ушли в иной мир, то и женский долг отправиться к ним. «Свахи» давили на самое болезненное, самое чувствительное. Отбирали последние крупницы силы. И отчаявшиеся женщины их слушались. Собирались вместе, назначая время и место – и совершали массовый суицид, которые они называли «скрепить узы». «Сваха», ответственная за пришедших, раздава-

ла каждой по горсти таблеток, отчего наступал медленный, безболезненный отход. Затем эта «сваха» принимала и свою дозу.

Затем, немного помолчав, медик Зина добавила:

– Так, в одной из сходов, «скрепила узы» и моя мать с сестрой.

– Пик массовых самоубийств закономерно совпал с периодом между смертью прадеда и рождением деда, – продолжала Зина. – «Скрепить узы» предлагали и мне. Но я отказалась. Мне было больно и обидно, как и всем, я тоже ощущала себя незаслуженной брошенной. Но я не могла позволить себе проявить слабость. Не могла взять и бросить все, сдать-ся. Я обещала твоему прадеду, что буду сильной. Я выбрала жизнь. Выбрала борьбу. Думаешь, я правильно сделала?

– Ну, да, – неуверенно изрек. – Борьбаться нужно всегда.

– Борьбаться нужно всегда, – перекиривляла меня бабуля и фыркнула. – Что за чушь ты несешь! Тоже мне борец нашелся. Борешься за поднятие крышки унитаза в особняке?

Уставилась неодобрительно. Я нервно улыбнулся.

Тут она внезапно склонилась, придавленный кот пискнул и шмыгнул в сторону, и взяла меня за подбородок.

– А ты так похож на Андрея, – неожиданным, мечтательным голосом произнесла. – Похож на прадеда своего.

Резко отпрянула, неуклюжими когтями оставив на моем подбородке царапины. Ее губы мелко-мелко затряслись.

Кресло-качалка истошно скрипнуло. Она медленно и развалисто поднялась. Самая настоящая динозавриха. Поволокла к стеклянному шкафу свое грушевидное тело под длинным платьем. Мощные бедра, монументальные ножищи, подобно змеевидному доисторическому чудовищу, волочившему за собой тучное гузно и длиннющий увесистый хвост.

Взяла с полки фотографию в рамке. Посмотрев, елеино улыбнулась, вручила мне трясущимися пальцами.

– Вот, любуйся. Прадед твой.

Я узнал его сразу. Высокий и худощавый мужчина. Улыбался во весь рот, довольный и полон наслаждения от жизни. Рядом, обняв за плечи, стояли еще двое мужчин. Такие же смуглые, веселые. Все трое были в очках и в одних лишь шортах. В нижней части кадра пенилась брызгами морская волна.

Прадед был осыпан прозрачными каплями воды. Над шортами черными штрихами расходились волосы. Он смеялся, ему было несказанно хорошо. Чувствовалось, что этот кадр запечатлел миг его неприкрытого удовольствия от жизни.

Кто бы мог подумать, что через какое-то время с него зверски будут выкачивать сперму. А те друзья, с которыми он так классно и беззаботно отдыхал у моря, с которыми он поочередно взрывал хризантему – за секунды превратятся в

загорелое и симпатичное удобрение для почвы.

Вот вам и чудеса, туши.

– Похож?

Я глянул на бабулю. Сощурившись, она внимательно следила за моей реакцией. В солнечном свете, лившемся из пыльного окна, на ее лысой, испещренной старческими пятнами голове, светлел реденький пушок. Она напоминала стервятника, что сидит на ветке и поджидает вкуснятину.

– На кого? – не понял я.

– На вислоухого осла, – заворчала Зина. – На тебя же, кого еще!

– Да, наверно, – уклончиво ответил.

Она откинулась на кресло, закрыла глаза. Лицо было похоже на сдавленную мошонку ящера мезозоя.

Я уже подумал было, что она заснула, и наметил пути отступления, как она произнесла скрипучим голосом:

– Знаешь, мне кажется, я единственный человек в Киеве, кто помнит прошлое. Помнит тот мир, что был раньше. И вот что я тебе скажу – все неуклонно летит к чертям. И это хорошо. Это правильно. Люди перестали любить. Они не знают, что это такое. Я не верю в истинную любовь между женщинами. Это чепуха. Потому что просто нечего больше слепить, вот и любят друг друга. Не собак же любить. Хотя

можно и их. А теперь, когда человеческий род у края пропасти, запомни, что я скажу. Аборт – это лучшее, что может случиться с человеком в нашем мире.

Часть пятая. Толстый край

Я пишу в выгоревшей, слегка потертой тетради. На ней когда-то был рисунок, но сейчас все превратилось в кашу голубоватого отлива. Неспроста, туши. Я уже говорил, что перед началом записей провел серьезную умственную деятельность. И многие мои решения отмечены символизмом.

Дурею от скуки, что поделать.

Главы приурочиваю к разделанным частям ваших тел. Вот с тетрадками несколько другая история. Их у меня три, кстати. Долго пришлось копошиться, чтобы отыскать именно то, что нужно.

Каждая тетрадь – это в некотором роде хронологические вехи моего становления. Этапы жизненного пути.

На первой мутный светло-синий оттенок. Она отсылает к важному периоду, когда я рос с отцом. Ибо, как бы папа не злился, голубой цвет символизирует мужское начало.

На второй нечто розовое. То время, когда я остался один на один с женским миром. Главная тетрадь.

На третьей – на совершенно выгоревшем фоне какие-то

мутноватые белесые потеки. Будто ледяные сталактиты. Особо не приходится раскидывать мозгами, чтобы сообразить, о каком периоде идет речь.

Не знаю, как вы, но я очень доволен придумкой.

Пишу я в самом помещении морозильной камеры, которое отделено габаритной дверью от так называемой предморозильни. Небольшая, продолговатая комнатуха с двумя огромными окнами. Через эти окна я машу вам рукой, тушки мои родненькие.

Тетрадь я выложил на столе, по размерам подходящим для игры в пинг-понг. Громадный, холодный, с нержавеющей стали. В другом углу громоздится куча из мешочков сахара, соли и всевозможных круп. Так же там находится аквариум с зеленоватой речной водой. Копошатся раки. Мои домашние питомцы.

Помимо этой камеры, есть еще одна.

Предморозильня гораздо обширней, но менее защищена. За занавеской из гибких пластиковых жалюзи находится уже отдел продаж. Собственно – мир. А мир, как известно, место кровожадное и до добра не доводит.

Возле стальной двери на стойке висело два комбинезона. Теперь они используются и как одежда и как спальный мешок. Хоть здесь и нет установок, откуда дует холодный воз-

дух, и она не так велика, чтобы я не мог надыхать и, пардон, вырабатывать кишечником тепло, но все же иногда пробирает. Особенно спросонья.

Первые мои сны в этом месте были довольно усложненным и условным, пришлось насобирать по всей территории камеры разного тряпья – полотенца, чепцы, мясницкие халаты, подстилки, скатерти. Теперь эта материя применяется как постельное белье.

Ректальный обогреватель хоть и работает на полную мощность, но едва ли справляется с отоплением.

Нет, туши, я ни в коем случае не жалуясь. А знаете – почему?

Потому что не положено достойному мужчине жаловаться.

К тому же – сегодня мы благоухаем морским бризом.

Старые, вдолбанные с детства привычки. Мне сейчас тяжело писать, руки подрагивают. Пять минут назад я колотил размякшую тушу. Прости меня, пожалуйста.

Это все та же гадкая потребность держать тело в тонусе, а рельеф мышц подчеркнутым и напряженным. Ясное дело, ради женского внимания. Чтобы им приятно было смотреть и трогать. Чтобы увиливал вокруг них не гориллообразный примат, а подтянутый и обаятельный паренек.

Да, вот еще одна моя привычка. Сугубо профессиональная. Я не могу не мастурбировать. Вообще. Никак. Потому что я – Андрей IV Мозолистый.

Я делаю это через каждый час. Я даже определил специальный сосуд, куда собираю сперму. Это аквариум с раками.

Морозильная камера имеет несколько дополнительных отсеков. Комнатушек для интима, назовем их так. В маленькой, как грузовой лифт, конуре с температурой -10 я складываю испражнения. Выйти из гипермаркета с наступлением темноты страшно – волки не дремлют. А дотерпеть до утра не всегда получается. Вот я и оборудовал помещение для нужд. Это очень практично, поскольку, когда я вновь открываю ее, предыдущая порция становится оледенелым брикетом.

И теперь их можно складировать даже наподобие старинных русских изб. Вот уж забава.

Хотя на самом деле это поддержка санитарии и борьба с неприятным запахом.

Чуть хуже обстоят дела с мочой. При здешних условиях оголять снасть не особо приятно. Легкое и примитивное решение – это мойка. Старинный мужской метод. Усложненная схема – сходить в ведро.

Ведро, поставленное в морозильный санузел, покрывается сверху плотной желтоватой коркой. Когда уровень поднимается, приходится мочиться на эту корку, отчего брызги летят во все стороны. Немного не гигиенично, но не беда.

Впрочем, здесь многое – не беда.

Еще на заре своей производительной карьеры я тяжело свыкался с мыслью, что все мои возможные половые партнерши – сестры. А если не сестры, то родные тетки.

Дружная сплоченная семья. Где все мы регулярно друг друга сношаем.

Не нужно вдаваться в глубокую аналитику и быть семи пядей во лбу, чтобы понимать сложившуюся ситуацию в Киеве. Настоящими незнакомцами в плане генов теперешние жители не являются. И, похоже, что подобное инцестирующее коловращение закончится не скоро.

Да уж, отец был прав – веселого мало.

Сегодня рождения мальчика – что-то наподобие чуда. Даже похлеще, чем электричество и пицца в развалинах гипермаркета. Самки с мужским плодом ни с того ни с сего abortируют, за считанные минуты истекают кровью и превращаются в удобрение для почвы.

Это касается, разумеется, и самого плода.

Девочки же продолжают рождаться себе, хоть бы хны. Типичное женское нахальство.

Утром я видел змею. Она грелась на солнце у восемнадцатой кассы. В куче мусора и битого кирпича. Скрученный черный клубок, на потресканной резине конвейерной ленты.

Как это обычно бывает, я не замечал ее до тех пор, пока она не пробудилась и резво шмыгнула в заросли к тележкам.

Природа гораздо ближе, чем кажется.

И вот теперь одна мысль не дает мне покоя.

Выходит, что член современно самца человека является чем-то наподобие змеи эфы. Кусая, эта змея вызывает обильное кровотечение, что зачастую приводит к летальному исходу. Чем не аналогия с современным актом оплодотворения.

А гипермаркет действительно огромен. Нужно около часа, чтобы обойти его. Благо, находится он у черта на рогах, среди какой-то забытой миром степи. Хотя и прилегает к автостраде, по которой иногда проезжают электрокары. Нужно быть предельно осторожным, чтобы меня не засекли.

Несколько раз я осуществлял ранние вылазки. Рядом начинается лес, где протекает река. Кстати, именно в той реке я полтора месяца назад почти решил утопиться. Глупая блажь. А утопил в итоге додж.

Взяв из рыбацкого отдела резиновые сапоги по пояс, я выковырял из прибрежного ила раков. Правда, все никак не решусь их сварить. Откладываю на потом. Может быть даже потому, что плиты все равно нет, а разжигать костер я просто не умею.

Так и копошатся они в своей ванной. Хоть что-то живое рядом.

Раз начал о раках, следует рассказать подробнее о своей наследственной привычке. И одновременно о своем главном предназначении.

Мир, откуда я сбежал, требовал от меня продуктивности. Я был никем иным, как бычком-осеменителем. Думаю, кому-то из вас это знакомо.

Но самой ущербной и неполноценной версией осеменителя. Загвоздка в том, что мне было запрещено совокупляться. Моей основной и единственной работой было наполнение пробирок спермой.

Сперма – это протеиновый коктейль с плавающими драгоценными головастиками. То, что нужно внедрять в самку,

чтобы появилось потомство.

Каждый божий день я был вынужден цедить в контейнеры для спермы. В доме, где я жил, они были разбросаны повсюду. А когда выходил на улицу, они висели на ремне, как патронные гильзы.

Я до сих пор не могу избавиться от привычки мастурбировать. Кое-как наученный порядку, не могу позволить себе разбрызгивать стены морозильной камеры. И тут мне пригодились раки.

В качестве корма раки получают драгоценный коктейль из головастиков. Отлично устроились ребятки.

Баночки с живородящей жидкостью я передавал сотрудницам Дома Матери. В Доме тетки-лаборанты в белых халатиках и чепчиках, скрывающих неделями немые волосы, колдовали над моим семенем. Наверно, до сих пор колдуют.

Из 250 миллионов клеток отбирали где-то миллиона два-три, остальное – в мусор. Те три расфасовывали по пробиркам, разделяя по четыре сперматозоида в каждую.

Когда Иена рассказывала мне это, я тут же спросил – а почему именно по четыре? Достаточно ведь для яйцеклетки и одного головастика. Что ему, скучно, что ли, будет?

Иена ответила, что сначала и брали по одному. Но оплодотворение не происходило.

– Все дело в мужской психике, – говорила она. – Вам нужен дух соперничества, борьба, схватка. Даже для сперматозоидов. Ну, какое удовольствие со всей прыти мчаться к яйцеклетке, если рядом никого нет – и некому завидовать и грызть локти.

Чтобы появилась возможность грызть локти, сперматозоидов группировали в две пары. Четыре оказалось оптимальным числом, чтобы хвостатые клетки начали наперегонки стремиться вклиниться в девичью огорожу и ощелачивать ее.

Так что, грубо говоря, работал я не один. Точнее, один, но в разных ипостасях. Как непосредственно, так и через вторые руки. Самки, не желающие, чтобы при зачатии участвовал пыхтящий волосатый примат, идут в Дом Матери и заказывают себе четверку моих прихвостней. Их помещают внутрь специальной ампулы, растворимой лишь в определенных условиях. С доставкой на дом.

Большая часть теперешних женщин первую брачную ночь проводят не с самцом, а с суппозиторием.

Кстати, этот суппозиторий можно поместить внутрь искусственного члена. А искусственный член привинтить к искусственному мужчине – чудесами пластической хирургии перекромсанной страшенькой дамочке.

Мы с папой называли этих недомужиков – валентинками. Но об этом позже. Еще одна интрига, туши!

В прошлой жизни у меня был друг. Его звали Чак. Это был попугай – птичка размером с грушу, обильно присыпанная белыми перьями.

Мастурбировать при женщинах я так и не наловчился. Андрей IV Стеснительный, не иначе. Потому, каждый раз, когда распался достаточно для семяизвержения, приходилось спешно убегать в комнату, к Чаку, и там стряпать дельце.

Ехидные девчухи не преминули и тут поиздеваться надо мной. Стоило мне захотеть уединиться со вздыбленными штанами, как они тут же заявляли, что я иду кормить попугайчика. Так это обозначение и прилипло ко мне.

А теперь – буквально кормлю раков.

– Вот, полюбуйся, – говорил папа, – мы сидим в окружении стольких баб. Разных – красивых и страшных, кривых и ровных, худых и жирных. Очень разных, и их целое стадо. Но мы с тобой одни. Пусть они живут себе, копошатся, размножаются, умирают – эпицентром событий все равно остается мужчина. Понимаешь, в чем суть? – тут он заезжал мне по уху, чтобы я незамедлительно понял суть. И что самое интересное – я ее понимал.

Сгорбившись, быстро кивал и тихо глотал слезы.

– Мужчина владеет миром, а значит – владеет и бабами. Он создатель благ и ценностей.

Папа вдруг перестал речать возвышенным тоном, а перешел на злобное ворчание.

– Всех этих маленьких побрякушек, пестренских вещичек и дешевенькой бижутерии, от которых они так тащатся. Натянет на себя платье, расфуфырится, расчешет волосы – и все, думает, что принцесса. Тьфу! Аж гадко смотреть бывает... Вон, идет, – показывал на какую-нибудь проходящую, вовсе перейдя на злобное сюсюканье. – Чучело чучелом. Сиськи как две горошины, жопа ровная, словно наждаком счесана. А харя! Ты глянь на эту противную харю – да ей надо в шахте работать, бесценно...

Не думаю, чтобы подобные фразы папа выдавал трезвый. Алкогольные испарения превращали его в слишком опасное животное. Делали его таким, каким он желал быть, а не таким, каким был на самом деле.

Я стыдился его. Честно. Наверно, нельзя так писать об отце, но своим поведением он причинял мне боль. И физическую и душевную.

В такие моменты лупил он меня нещадно. Он чувствовал, что я расту таким же, как он – хорошим, покладистым и пластилиновым. И любыми путями хотел воспитать меня другим.

Да, я и стал другим. Убийцей, что сбежал в морозилку.

Наследственно у нас закрепилось физическое, сугубо мужское воспитание. Закалка, я бы сказал. Но если дед раздавал люлей от души, они являлись прямым откликом его мятежной, вспыльчивой натуры, то отцовские подзатыльники носили чисто гормональный и воспитательный подтекст.

Ну что можно требовать от мужчины, окруженного миллионами одиноких самок, но вынужденного всю жизнь оплодотворять страшил и кикимор.

А мне и подавно – сцеживать в пластиковые стаканчики.

К тому же, напомним, папа был большим охотником заложить за воротник.

Был еще один эпизод, который я хотел бы стереть с памяти.

Мы с отцом, Андреем III Гостиничным, часто гуляли по городу. Он очень переживал, что не может обладать ни одной из тех девушек, которые будто нарочно вертели перед ним задницами, максимально оголяли ноги, вываливали груди, распускали волосы, красились и одурманивающе пахли.

И еще его невероятно злило, как демонстративно девушки занимались своими лесбийскими штучками, будто дразнили его, подначивали.

Все это выглядело, как жестоко спланированная провокация.

Бывали случаи, когда отец не выдерживал и переходил в наступление. Совершал резкие марш-броски. Но его гормональные атаки быстро гасились – рядом паслись охранницы, они оттягивали его подальше, едва он успевал шокировать девушку и спустить штаны.

Ну, один раз все же охранниц не оказалось рядом. Отец был с развязанными руками. И его забили до смерти.

Я наблюдал за расправой из угла вагона метро.

Часть шестая. Средина лопатки

То, что произошло с мужским населением планеты, не поддается логичному объяснению. Они просто, ни с того ни с сего, принялись давать дуба. Падали замертво, как подкошенные. Во сне, за рулем, за компьютером, в баре, в транспорте – в считанные мгновения превращались в удобрение для почвы. Сущий библейский мор.

На трусах, брюках, шортах и прочих предметах гардероба, что соприкасались непосредственно с гениталиями – обнаруживали или засохшие корочки и белесоватые хлопья, или влажные жемчужные пятна. И это дело пахло свежими каштанами. И это дело было невероятно токсично и стойко.

В момент кончины каждый мужчина непременно эякулировал.

Великой Бабуинизации подверглись не только родившиеся мужчины. У беременных мужским плодом женщин случался произвольный выкидыш. Но не сразу. А примерно в середине первого триместра беременности. Когда у плода обычно начинается процесс разделения на органы.

С роженицами происходили тоже странные вещи. Преждевременно освободившись от плода, кровь женщины теряла свойство сворачиваться. И ничего нельзя было с кровотечением поделаться. Женщине просто приходилось наблюдать, как с нее выливается ведро крови – и на этом спектакль заканчивался.

А знаете что, туши?

Ведь такое происходит и по сей день.

Как я уже упоминал, официальная версия причин Великой Бабуинизации все же связана с пылью от хвоста кометы. То, что Землю оросило, не вызывает сомнений. Каждый видел собственными глазами легкую зеленоватую дымку в атмосфере. Также была доказана ее радиоактивность. И под-

тверждено, что анализ спермы пропавших мужчин значительно превышал допустимые границы в насыщенности радионуклидами.

Это косвенно объясняет, почему выжил прадед. Мол, он и так, можно сказать, отлеживался на самом злачном радиационном пикнике в мире.

Медик Зина не забывала о нем ни на минуту. Особенно, когда стали удобрять почву один за другим ее знакомые, а потом и вообще все.

В мире воцарилась жуткая паника.

– Представляю, – рассказывал папа, – как бабье рвало на себе волосы, причитало и заливалось горькими слезами. Как же, все теперь придется делать самим!

И когда отыскали прадеда, дефективного и разваленного, но живого – мир замер.

И принялся с небывалой женской лаской его выхаживать и лелеять.

То, что медик Зина верила в исключительную живучесть – конечно же было чудом. Она и подумать не могла, что такой образец отборного генетического коктейля пропадет даром. Все его внешние данные не то чтобы говори, а кричали – вот он, ярко выраженный альфа-самец.

Если б она только знала.

В больнице прадеду становилось хуже. Ничто не помогало. Организм медленно угасал. Вряд ли пролежав в кишащей радиацией развалине, можно отделаться, скажем, ночным недержанием мочи.

Медик Зина жила в его палате. Спала на кресле, меняла судки, стелила постель, чтобы избежать пролежней. Вводила лекарства.

Однажды, в тихую ночь дежурства, она заметила, что у прадеда топорщится центральная часть постели. Вводимые препараты дали своеобразный побочный эффект, вызвав эрекцию.

Свершилось еще одно чудо – у прадеда возник крепкий добротный стояк.

Неизвестно, как долго Зина боролась с соблазном, но в итоге не выдержала и надругалась над прадедом.

Она осторожно взобралась на койку, заняла вычурную позу парящей белки-летяги – и стала единственной на то время обладательницей настоящего совокупления.

Это продолжалось не одну ночь. Едва ли моего прадеда, Андрея I Дефективного, можно назвать гуру секса. Посколь-

ку он лежал в коме, и ничем соблазнить был не в состоянии. Неоспоримым его достижением на то время было наличие дыхания и пульса.

Вскоре об оргиях разузнала постовая медсестра. Подглядела, подслушала, вынюхала – история умалчивает.

По той же причине с ним очень вовремя успел совокупиться весь младший персонал больницы. А затем и их родственницы. В течении долгого времени прадеда эксплуатировали по полной программе. В палату выстраивалась очередь. Шушукаясь между собой, молодые медсестры, уборщицы и няньки плотоядно распределяли графики дежурств.

Прадеда продолжали пичкать таблетками, чтобы эрекция не увядала, а затем скакали на нем, как на безотказной коробке передач.

Так с инвалида, любителя взрывать хризантемы, и высасывали драгоценную сперму.

Особенно популярным прадед был в последние свои дни. Когда стало известно, что он при смерти – он умудрился переспать с сотней, а то и больше, репродуктивных самок. Начиная от гардеробщиц и лифтеров, заканчивая заведующими всех отделений, главным врачом, а также их сестрами, племянницами и тетками.

Прадед был очень неразборчив в этом деле.

С бабуинами так бы не прокатило.

Самец-новичок, пришедший в чужое стадо, должен встроиться в сложную систему родственных и дружеских взаимоотношений в незнакомой ему семейной группе. Обычно он начинает с налаживания отношений со взрослой самкой, не выхаживающей в это время детёныша. Он повсюду следует за ней, чмокая губами, нежно ворча и строя гримасы. Это же происходит всякий раз, когда взгляд самки падает на него.

Если самка благосклонна, она может позволить ему почесать себя.

Спустя несколько месяцев самец может рассчитывать на прочные взаимоотношения с этой самкой. И, если повезет, даже на секс.

Можно смело утверждать, что прадед трахался до последнего вздоха. Он умер спустя пару минут, как с него слезла очередная распаленная самка. Медика Зину давно выдворили подальше, а в коридоре возле палаты выстаивали очереди с желающими совокупления.

Поговаривали, что иногда даже вспыхивали потасовки среди гормонально взволнованных дам.

И я верю, туши.

С некоторыми поправками на здоровье и общее самочувствие, моего прадеда можно назвать одним из самых счастливых мужчин, когда-либо существовавших на планете.

Часть седьмая. Тонкая лопатка, рулька

Недавно покормил раков. Стоит мне подойти и начать расстегивать ширинку, как они тут же начинают жадно копошиться и шаркать клешнями по стенкам аквариума.

Всем своим видом они напоминают мне женщин. И ту жизнь, которая была у отца. То же нетерпение и жажда поскорее получить результат, пренебрегая самим процессом. А вот что мне нравится в раках – это их молчание.

Мой живительный белок белесоватого цвета. Папа говорил, что таким он и должен быть. В отличии от прадеда, чья сперма после случайного курорта в четвертом реакторе стала фосфоресцировать и светиться в темноте, подобно приманке на первом спинном плавнике рыбы-удильщика.

Ну, прямо маленький фосфорный заводик между ног.

У деда, кстати, туши, сперма имела коричневатый оттенок.

Тоже не скажешь, что эталон здоровья.

Среди сотни счастливиц, воспользовавшихся безотказностью прадеда, забеременело около тридцати. Из них половина заполучила мужской плод.

Это те, кому выпала короткая спичка.

Те, кто проиграл в русскую рулетку.

Как вы уже догадались, туши, лишь одна из оплодотворенных самок смогла родить мальчика. То есть, выносила до сорок недельного срока и родила полноценного самца. Всего лишь одна женщина.

Лучше, чем ничего. И не спорьте, туши.

Роженицей была санитарка реанимационного отделения. Первая и последняя женщина, которой перелили чуть ли не таз донорской крови. В дальнейшем от подобной затеи отказались. Все равно не помогало.

Настоящей матерью моему деду, Андрею II Каплуно, стала все та же медик Зина. Затем она сама от него и забеременела. Дважды.

Не получилось с папочкой, так получилось с сыночком.

И родила она двух девочек.

Счастливым лотерейный билет.

Остальные беременные мужским плодом открыли плачевную статистику неудачно и не вовремя рожавших. Теперь эта таблица влезет в средних размеров учетной книге.

Новорожденные, как и полагалось недоношенным – выглядели весьма отталкивающе. Укороченные, скрюченные конечности, в неположенных местах расположенные органы, опухоли и дистрофии.

Жирная черта под Великой Бабуинизацией.

Все описанные дальние родственники сейчас плавают в банках, выставленных на обозрение в музее Мужского Наследия. Долгожительством они не отличились.

Они стали пионерами в трагичной традиции рождения уродов вместо мужчин.

Но, несмотря на ничтожно малую вероятность, несмотря на состояние подавляющего количества братьев, и несмотря на отсутствие стимула – дед родился и выжил.

Разве это не чудо, туши?

Сказать, что сам дед родился прекрасным карапузом, у

меня не хватит смелости. Великая Бабуинизация, а так же тот факт, что прадед пребывал в радиационном отстойнике, внесли свою лепту и в его облик. Впрочем, учитывая, какие получились его братья, дед все же имел основания гордиться своей внешностью.

Неладное обнаружилось не сразу. А спустя несколько минут.

При осмотре орущего младенца никто из повитух не нашли анальное отверстие.

У моего деда, Андрея II, просто-напросто не было откуда какать.

Медицинский диагноз – атрезия заднего прохода и прямой кишки. Врожденный порок развития, при котором отсутствует часть кишечника и, собственно, сама дырочка. Попка у моего деда была гладкая, залюбоваться можно. Как и гладкая ложбинка посередине.

Не могу отделаться от воспоминания, что папа и тут зло-радно пошутил:

– Ну хоть хризантему ему никто не взорвет.

Специалиста, обученного тонкой пластике, не нашлось.

Женщинам еще не приходилось сталкиваться с подобной проблемой, а если и приходилось, то это было у самки. Таких просто списывали в утиль и отправляли доживать где-нибудь в богом забытой деревушке. Москве, Лондоне, Париже, или еще дальше.

Не забывайте, туши, что основные специалисты сейчас копошатся в шерсти друг друга.

Тем не менее, операцию Андрею II все же провели. Иначе дитя со временем грозило взорваться от накопившихся каловых масс. Незамысловатая операция состояла в проделывании отверстия, через которое протянули трубочку, сшив ее с расширенным концом кишки.

Мальчик выжил. Правда, с тех пор и до конца жизни к нему сзади крепился кулечек, куда вываливалось содержимое трубочек. Переваривать пищу крайний отдел кишечника был не в состоянии – и перистальтическими толчками в сосуд выходило то, что полдня назад он ел.

Все же это лучше, чем быть удобрением для почвы.
И не спорьте, туши.

Помимо искусственного отходника, патриарх современ-

ного рода человеческого не мог похвалиться выдающейся конституцией тела. Маленькие, дистрофичные ножки и ручки, широкое и выпуклое брюшко, рахитичная грудная клетка, отсутствие шеи, оттопыренные уши.

Подросший, всем своим видом он напоминал клопа-переростка.

Это, однако, не помешало ему стать самым успешным и эффективным кавалером среди женщин.

Чудо, туши, самое настоящее чудо.

Времена, когда огульствовал дед, были самыми насыщенными и вольными. Это была Эра Клоповьего Рая.

Медик Зина занималась его воспитанием. Оберегала, как курица-наседка. Потакала во всех мелочах, баловала. И потому дед вырос наглым, эгоистичным, властным, не знающим отказа самцом. И к тому же, как оказалось, он был впечатлительным и хитрым мальцом.

Дело в том, что медик Зина была курящей женщиной. С точки зрения репродуктивности не лучший ход. Но ей было плевать.

После кончины прадеда, любви всей жизни, обычные сигареты ее не успокаивали. И она перешла на сигары. Это такие крупные коричневые штуковины из табака. Наподобие вытянутого и спрессованного голубца. Кончик сигары обре-

зается гильйотинкой, чтобы увеличить отверстие для дыма.

В будущем Андрей II Валуи недобросовестно возьмет этот незамысловатый прием на вооружение.

В годы его молодости был преобразован Киев, построен дом на Трухановом острове. Тогда же зародилось и движение агрессивно настроенных лесбиянок-троещинок, нынче известное миру как Джинсовый Союз. При отце же оно расцветет пышным цветом.

Дело в том, что дед для достижения своих целей, для выполнения любой прихоти пользовался не самым честным способом. Стоило какой-нибудь смазливой курочке отказать, условно говоря, задирать перед ним юбку – он тут же доставал из кармана гильйотинку для срезания сигар, вываливал свой репродуктивный орган – и, грозно сверкая глазами, размахивал инструментом и серьезно уверял, что откусит часть органа.

Очень долгое время никто не отваживался проверить угрозу деда на достоверность.

Итак, около тридцати лет дед умудрялся шантажировать женский мир. С собой, родненьким. На цепочке, вшитой в тру-

сы, он носил приспособление, очень похожее по виду и по функции на гильйотинку для срезания кончика сигар. И в спорных вопросах грозился пустить ее в действие, с помощью карманного рычажка.

Перспектива увидеть дефицитный penis валяющимся на полу отдельно от носителя подстегнула женщин создать мужчине всяческие блага и удобства.

Так, если бы не гильйотинка, жили б мы с отцом в какой-нибудь захолустной общаге, с общим санузлом и тараканами.

В свое время дед правильно смекнул, что не гоже раритетному самцу шастать среди скопления самок, как обыкновенному смертному. Он с большим энтузиазмом принимал участие в строительстве, рассчитывая на создание гарема. Одну руку он всегда держал в кармане, зримо напоминая, что перечить его архитектурным желанием не стоит.

На Трухановом острове, что между киевскими берегами, отгрохали шикарный особняк. Там был бассейн, бильярдная, теннисный корт, тренажерный зал и множество других досуговых мест. Но больше всего в нем числилось лежаков. Особняк кишмя кишел кроватями, надувными матрасами, широченными диванами, тахтами и кушетками. И почти всегда там кто-нибудь да валялся.

После того, как дед и мы, его мужские наследники, обжились в доме, остров принялись обустраивать дальше. Кафе, рестораны, клубы, кинотеатры. Но ничего жилого.

С тех пор милое киевское местечко больше не называют Труханов остров. От Крита, с его дивными пейзажами и белоснежным песочком, в нем тоже мало, само собой.

Его называют – остров Трахунов.

Если в вас, туши, как во мне, вдруг проснется юный любознательный натуралист, и вы спросите – а почему именно Эра Клоповьего Рая? Я отвечу следующее.

Потому что у клопов, как и у деда, с размножением вообще сложилась песня. По велению природы самки клопа не имеют дырок для совокупления, поэтому самцам приходится их выдалбливать своими острыми членами-перфораторами. При подобной долбежке совершенно не важно, в какой части тела клопихи проделать дырку – внутри награда найдёт своего героя, благо подпанцирные «мишени-влагалища» у самок разбросаны по всему телу.

Самцы клопов очень любвеобильны, могут совокупляться до двухсот раз на дню, к тому же это не обязательно должна быть самка – в ход идет все, что движется. Потому любая великовозрастная самка внешне напоминает решето. Хотя обилие прострелов никак не влияет на ее самочувствие.

Чего не скажешь о самках после встречи с Андреем II Перфоратором.

Когда наступила дедова репродуктивная пора, к нему, говоря деловым языком, навалила масса интересных предложений. Сомнений ни у кого не возникало, что почетным первооткрывателем станет женщина, с которой он платонично ложился спать до двенадцати лет.

Поначалу дед вел себя скромно. Но аппетит, как известно, приходит во время еды. И к двадцати годам он превратился в ошалелого семяизвергателя. Создавалось впечатление, что он задался целью обрюхатить все движимое имущество Киева. Чревоногая статура и прикрепленный сзади кулечек совершенно не смущали его.

А медик Зина, знайте себе, как матрона, похваливала и пыхла сигарами.

Женщины понемногу роптали, противясь безобразным клоповым замашкам деда. Тогда же появилось и стало набирать обороты движение агрессивных лесбиянок. Именно они, спустя лет десять, подняли тему по поводу лепки валентинок, ввели обязательную охрану отцу, и лишили его прелестей свободного коитуса.

Ну и, кстати, именно одна из них отстрелила деду башку.

После того, как радикально уgomонили деда, отец попал

под раздачу. Хоть его все же и подпустили к кормушке, но медовый паек спаривания был кардинально урезан.

А вот со мной поступили и вовсе жестоко. Выдали пробирки, в которые приходилось изо дня в день выцеживать сперму.

Или, как говорил сам отец – коктейль из маленьких андреевичей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.